

Выживший
заклученный,
который стал
невольным
помощником
палачей

ШЛОМО ВЕНЕЦИЯ

**ВНУТРИ
ГАЗОВЫХ
КАМЕР**

**ПОДЛИННЫЙ РАССКАЗ
РАБОТНИКА КРЕМАТОРИЯ
ОСВЕНЦИМА**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 94«1939/45»:61
ББК 63.3(0)622
В29

SONDERKOMMANDO:
Dans l'enfer des chambres à gaz
by Shlomo VENEZIA,
in collaboration with Béatrice PRASQUIER
© Éditions Albin Michel — Paris 2007 Published by arrangement
with SAS Lester Literary Agency & Associates
Illustrator : © David OLÈRE
Foreword by Simone VEIL
Historical notes at the end of the book by
Marcello PEZZETTI and Umberto GENTILONI

В оформлении обложки использован элемент дизайна:
Krasovski Dmitri / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM;
Фото на обложке: © Валерий Мельников / РИА Новости

Венеция, Шломо.

В29 Внутри газовых камер. Подлинный рассказ работника крематория Освенцима / Венеция Шломо ; [перевод с французского И. Чорного]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Темные архивы. Книги о жутких экспериментах и практиках над людьми).

ISBN 978-5-04-200240-3

Это честный и подлинный рассказ одного из немногих выживших участников зондеркоманды Освенцима-Биркенау. Автор стал невольным помощником палачей, заводя людей в газовые камеры и работая в крематории. Эта книга о страшных преступлениях и нечеловеческой жестокости в лагере смерти. Напоминание о трагедии, оборвавшей судьбы множества людей, и личная история того, кто прошел через настоящий ад. Предисловие к книге написано Симоной Вейль — бывшей заключенной Освенцима, президентом Фонда памяти жертв Холокоста.

УДК 94«1939/45»:61
ББК 63.3(0)622

© Чорный Иван, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-200240-3

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	9
Предисловие от Симоны Вейл	11
Предупреждение от Беатрис Праскье	17
ГЛАВА I. Жизнь в Греции до концлагеря	18
ГЛАВА II. Первый месяц в Освенциме- Биркенау.	64
ГЛАВА III. Зондеркоманда	93
ГЛАВА IV. Зондеркоманда. Продолжение...	144
ГЛАВА V. Восстание зондеркоманды и демонтаж крематориев	171
ГЛАВА VI. Маутхаузен, Мельк и Эбензее	195
Благодарности	230
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	231
Холокост, Освенцим и зондеркоманды	231
Система преследований в Рейхе.	232
Война и судьба евреев	240
1941: Холокост	243

— СОДЕРЖАНИЕ —

Освенцим-Биркенау и его роль в «Окончательном решении»	248
Зондеркоманда Биркенау	261
Италия в Греции: краткая история великого провала	270
О Давиде Олере	282

Полная правда гораздо
трагичнее и ужаснее.

*Залман Левенталь*¹

¹ Рукопись Залмана Левенталья на идише была найдена в октябре 1962 года, захороненной во дворе крематория. Она была написана незадолго до начала восстания зондеркоманды, чтобы оставить запись об уничтожении евреев в газовых камерах. Левенталь умер в ноябре 1944 года, всего за несколько недель до освобождения. Из книги «*Des voix sous la cendre. Manuscrits des Sonderkommandos d'Auschwitz-Birkenau*», под редакцией Жоржа Бенсуссана, *Revue d'histoire de la Shoah*, № 171, январь — апрель 2001 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я хотел бы посвятить эту книгу двум моим семьям: той, что была до войны, и той, что была после. В первую очередь я думаю о моей дорогой маме, которой было сорок четыре года, и о двух моих младших сестрах, четырнадцатилетней Марице и одиннадцатилетней Марте. Я часто с грустью думаю о тяжелой жизни моей матери, которая овдовела совсем молодой, оставшись одна с пятью детьми. Принося множество невыносимых жертв, она воспитывала нас со здоровыми моральными принципами, такими как честность и уважение к людям. Эти жертвы и эти страдания были стерты, уничтожены в тот момент, когда две мои младшие сестры сошли с вагонов для скота на железнодорожной ветке Освенцим-Биркенау 11 апреля 1944 года.

Другая моя семья появилась уже после великой трагедии. Моя жена Марика и трое моих сыновей, Марио, Алессандро и Альберто, разбираются во многом лучше меня, а честность и уважение к другим у них в крови. Благодаря упорству моей жены они выросли и стали мужчинами, которыми я горжусь. Марика также всегда очень заботилась

— ПОСВЯЩЕНИЕ —

обо мне, облегчая мои болезни, ставшие следствием лагерей. Она заслуживает большего, чем моя молчаливая привязанность. Спасибо за все, что ты для меня уже сделала и продолжаешь делать для наших пятерых внуков Алесандры, Даниэля, Микелы, Габриэля и Николь, а также наших невесток Мириам, Анжелы и Сабрины.

*Ваш муж, отец и дедушка,
Шломо Венеция*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СИМОНЫ ВЕЙЛ

Шломо Венеция прибыл в Освенцим-Биркенау 11 апреля 1944 года. Я приехала из Дранси четырьмя днями позже. До 9 сентября 1943 года мы жили — он в Греции, я в Ницце — под итальянской оккупацией, чувствуя, что, по крайней мере временно, нам не грозит концлагерь. Однако, после того как Италия капитулировала, нацистские тиски стали сжимать с еще большей силой, причем как тех, кто жил в Приморских Альпах, так и тех, кто — на греческом архипелаге.

Говоря о Холокосте, я часто упоминаю депортацию и уничтожение греческих евреев, потому что произошедшее в этой стране является прекрасной иллюстрацией решимости нацистов реализовать «Окончательное решение», выслеживая евреев даже на самых маленьких и отдаленных островах архипелага. Поэтому я с особым интересом прочитала рассказ Шломо Венеции, еврея и гражданина Италии, который говорил не только по-гречески, но и на ладино, диалекте евреев из Салоников, в которых он жил. Фамилия Шломо — Венеция — восходит ко временам, когда его предки в годы

скитаний после изгнания евреев из Испании, в 1492 году, попали в Италию, а затем добрались до Салоников — «Иерусалима Балкан», города, в котором было уничтожено девяносто процентов еврейской общины.

Я прочитала множество рассказов бывших депортированных, и каждая история вызывает у меня яркие воспоминания о жизни в лагере. Рассказ же Шломо Венеции особенно трогателен, потому что это единственное полное свидетельство выжившего члена зондеркоманды. Теперь мы точно знаем, что они были обречены выполнять свою отвратительную задачу, самую страшную из всех — помогать заключенным, отобраным для смерти, раздеваться и входить в газовые камеры, а затем нести все эти трупы, переплетенные и скрученные тела, в крематорий. Члены зондеркоманды, невольные пособники палачей, почти все были убиты, как и те, кого они провожали в газовые камеры.

Сила этого рассказа заключается в безупречной честности его автора, который рассказывает только о том, что видел, во всех подробностях — как самых ужасных, вроде жестокости человека, отвечавшего за крематорий, казни без суда и следствия, безостановочной работы газовых камер и крематориев, так и тех, что, казалось бы, должны несколько смягчить ужас ситуации: относительная снисходительность голландского офицера СС или менее

жестокие условия существования, которые предоставлялись членам зондеркоманды, незаменимым слугам машины смерти. Исключительность показаний Шломо Венеции заключается еще и в том, что только в этом диалоге с Беатрис Праскье он осмелился рассказать о самых жутких аспектах своей «работы» в зондеркоманде, приводя невыносимые подробности, которые дают полное представление об отвратительности этого преступления.

Своими простыми словами Шломо Венеция оживляет истощенные лица и изможденные, покорные и зачастую испуганные взгляды мужчин, женщин и детей, которых он встречает в первый и последний раз. Среди них есть те, кто не знает о своей судьбе, те, кто, придя из гетто, боится, что надежды на выживание практически нет, и наконец те, кто был отобран в лагерь и знает, что его ждет смерть, — но для многих из них она является избавлением.

Время от времени появляется проблеск человечности, проливающий свет на ужас, в котором Шломо Венеция пытается выжить, несмотря ни на что. Он встречается на пороге газовой камеры со своим дядей Леоном Венецией, уже слишком слабым, чтобы работать, и пытается накормить его перед смертью. Так ему удается выказать ему последний жест нежности, а затем произнести *кадиш* в его память. Еще есть губная гармошка, на кото-

рой Шломо иногда играет. И наконец, проявления солидарности, которые помогают ему оставаться человеком, как это часто случалось с большинством депортированных.

Шломо Венеция не пытается замолчать о случаях, которые можно было бы подвергнуть критике, если бы кто-то осмелился это сделать. К его чести, у него хватает смелости говорить об ощущении пособничества нацистам, об эгоизме, который ему иногда приходилось проявлять, чтобы выжить, а также о желании отомстить, когда лагеря были освобождены. Тем, кто может предположить, что, являясь членом зондеркоманды, где его лучше кормили и одевали, он, возможно, страдал меньше, чем другие заключенные, Шломо Венеция задает вопрос: чего стоит чуть больше хлеба, отдыха и одежды, когда каждый день ты имеешь дело со смертью? Поскольку ему довелось испытать и «нормальные» условия жизни в лагерях, которые он описывает с исключительной точностью и правдивостью, Шломо Венеция без колебаний заявляет, что предпочел бы медленную смерть работе в крематории.

Как же выжить в этом аду, когда все, что тебя ждет, — лишь момент собственной смерти? У каждого заключенного был свой ответ на этот вопрос. Для многих, как, например, для Шломо Венеции, думать больше не было необходимости:

«Первые десять — двадцать дней я был в состоянии постоянного потрясения от чудовищности совершаемого преступления, а потом просто перестал думать». Каждый день он хотел умереть, но каждый день боролся за выживание. Тот факт, что Шломо Венеция жив по сей день, представляет собой двойную победу над процессом уничтожения евреев: в каждом из членов зондеркоманды нацисты хотели убить еврея и свидетеля, совершить преступление и стереть все его следы. Но Шломо Венеция выжил и рассказал эту историю, долгое время храня молчание, как и многие другие бывшие заключенные.

Если он, как и я, и многие другие, молчал, пока не стало слишком поздно, то лишь потому, что никто не хотел нас слушать. Мы только что вернулись из мира, где люди пытались изгнать нас из человечества: мы хотели сказать об этом, но встречали недоверие, равнодушие и даже враждебность окружающих. Лишь многие годы спустя мы нашли в себе мужество высказаться, потому что нас наконец-то слушают.

Вот почему это свидетельство и свидетельства всех заключенных следует воспринимать как призыв к размышлению и бдительности. Шломо Венеция не только рассказывает нам о зондеркомандах, но и напоминает об абсолютном ужасе, «преступлении против человечества» — Холокосте. Голос